УДК 340.12 DOI: 10.12737/16809

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ДОКТРИНЫ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Батеева Е. В. , ***Питерская А. Л.*** [1]

В статье рассматриваются специфические подходы правопонимания доктрины правового государства. Авторами статьи проанализированы проблемы принципов правового государства, выявлены их особенности на основе концепций правопонимания, в частности естественно-правовой и теории общественного договора. На основе теоретического обоснования авторами «классических» принципов правового государства сделан вывод о противоречивости, что, в свою очередь, приводит к нереализованности принципов в полной мере на практике. В свете этого, доктрина правового государства приобретает весьма сложный и многовариантный концептуальный состав, на который имеют воздействие разноплановые факторы, зависящие, в том числе, от концепций правопонимания и понимания государства. В связи с этим, в статье дается оценка концептуальным вопросам правопонимания и научно обоснованным проблемам теоретической аргументации доктрины правового государства.

Ключевые слова: политико-правовая доктрина, правовое государство, естественное право, правопонимание, концепция, принципы правового государства, народный суверенитет, гражданское общество, права и свободы личности, принцип разделения властей, роль, значение.

PROBLEMS OF THEORETICAL JUSTIFICATION OF THE DOCTRINE OF LEGAL STATE

BATEEVA E. V. — Candidate of Juridical Sciences, Docent, Head of the Department of Theory of State and Law, Moscow State Technical University (Russian Federation, Moscow), e-mail: bateeva.l@yandex.ru

PITERSKAYA A. L. — Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory of State and Law, Moscow State Technical University (Russian Federation, Moscow), e-mail: ayks8@mail.ru

The article discusses specific approaches of legal doctrine of legal state, with focuses on the place and role of doctrine in the modern conditions of functioning of the state and legal spheres. The authors analyze the problems of legal state, identify their features based on the concepts of law, in particular natural law and theory of social contract. Based on the theoretical foundation the authors of "classic" principles of legal state conclude of inconsistency, which in its turn leads to the lack of implementation of principles into practice fully. So, the doctrine of legal state becomes very complicated and multivariate conceptual structure, which diverse factors have an impact on, depending on the concepts of legal thinking and understanding of state. In this regard, the article assesses the conceptual issues of law and science-based reasoning problems of theoretical doctrine of legal state.

Keywords: political and legal doctrine, legal state, natural law, legal thinking, concept, principles of legal state, sovereignty of the people, civil society, human rights and freedoms, principle of separation of powers, role, value.

Батеева Елена Владиславовна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права, Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ) (Российская Федерация, г. Москва), e-mail: bateeva.l@yandex.ru

Питерская Александра Леонидовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ) (Российская Федерация, г. Москва), **e-mail: ayks8@mail.ru**

Доктрина правового государства – это одна из исторических форм интерпретации роли и места государства в мире и в обществе, его природы, ценностных и целевых ориентиров. В истории философской и политической мысли высказывались и развивались различные идеи о предопределенности государства и его деятельности различными явлениями, силами, обусловливающими право: Богом, законами природы, естественным правом, обычным правом, «духом» народа или нации и т.д. Данное многообразие предопределяет особую важность вопроса о правопонимании, что становится краеугольным при осмыслении концепции правового государства.

При этом концепция естественного права начиная с XVIII века, претендовала на мировое первенство среди такого рода идей, закладывающих, в частности, основы правопонимания. Поэтому именно доктрина естественного права начиная с указанного периода считалась одним из основных признаков правового государства. Не случайно один из ведущих западноевропейских исследователей современности обращает особое внимание на роль естественно-правовых учений в становлении «небывало широкого, специализированного и точного правового порядка, без которого немыслима высокоразвитая техническая цивилизация[1]. Но так ли это на самом деле?

Рассматривая концепцию естественного права, невозможно обойти стороной тот факт, что ее представители в первую очередь акцентируют внимание на понятиях «права» или «свободы», совокупность которых признается естественным достоянием человека по факту рождения. Замечательно, что примат человеческой личности над всем в доктрине естественного права, носящий очевидно антирелигиозный характер, неизбежно приводит к попыткам построения «земного рая», то есть некоего идеального политического общества, где между личностью и обществом может установиться полная гармония, что фактически нереализуемо.

При этом нельзя не отметить ту специфическую черту, что доказывание нравственного достоинства личности основывается исключительно на рациональных началах и проявляется в стремлении философского исследования основ права[2]. Обозначенный момент, то есть требования рационального осмысления и рационального «оправдания» права как характерная черта либерального правосознания, является объективной предпосылкой обоснования принципа индивидуализма, который противоречит построению любой формы человеческого общежития (в том числе государства).

Проявления этой особенности естественно-правовой доктрины сводятся к тому, что именно право в его нормативном выражении является единственно верным способом регулирования социально-политических отношений и гарантией осуществления прав человека, то есть принцип верховенства права обеспечивает принцип осуществления естественных прав человека. То есть в данном случае концепция правового государства ставится на службу доктрине прав человека, выступая более в качестве вспомогательного инструмента её господства. Но на самом деле понятие правового государства намного шире, его нельзя сводить к какой-то конкретной доктрине или идеологии, поскольку нельзя не учитывать многоплановость правопонимания в истории мысли и неоднозначность осмысления природы и эволюции государственности[3].

Сущность правового государства весьма противоречива. Она состоит из набора признаков, чья реализация вызывает обоснованное сомнение у целого ряда авторов. Это и разделение властей, и народный суверенитет, верховенство права, признание приоритета естественных прав человека, гражданское общество. Например, воплощение в жизнь такого базового признака правового государства, как разделение властей, вызывает сомнение. Буквальный смысл данной концепции

[1] Аннерс Э. История европейского права. — М., 2011. — С. 388.

[2] Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. — СПб., 2012. — С. 14.

[3] Батеева Е.В., Питерская А.Л. Правопонимание и правовое государство // Юридический форум: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 1. – М.: МГИУ, 2014. — С. 75.

Ш. Монтескье говорит о том, что власть делится на три ветви — законодательную, исполнительную и судебную. При этом данные ветви власти взаимодействуют между собой, опираясь на принцип сдержек и противовесов, с одной стороны, и принцип взаимодействия — с другой. Однако практика применения данного принципа в различных странах показала, что в государстве происходит деление не власти как таковой, а функций государственного аппарата. То есть современное понимание концепции разделения властей заключается в том, что делится не сама власть, которая по природе едина и неделима, а разделяются функции власти в соответствующих сферах[1].

Далее, можно рассмотреть принцип народного суверенитета, который утверждает, что это будто бы единственная возможность достижения состояния общественного единства и гармонии. Учение о нем впервые наиболее полно нашло свое отражение в «Общественном договоре» Жан Жак Руссо, однако многие попытки применить его на практике закончились признанием несостоятельности основных выводов мыслителя. Например, первоначальное признание несостоятельности принципа народного суверенитета обосновывалось в философско-правовой литературе тем соображениям, что личная свобода человека противопоставляется всем остальным элементам государства, что представляет вообще угрозу его существованию. Данную идею высказывал, в частности, известный либеральный мыслитель И. Бентам, который считал, что тезис о законе как выражении воли народа последовательно приводит к анархизму и уничтожению любого государства[2].

В современной литературе народный суверенитет понимается как власть народа, которую он ни с кем не делит, осуществляет ее самостоятельно и независимо от каких бы то ни было социальных сил и использует ее исключительно в своих собственных интересах. Народный суверенитет неделим и имеет только один субъект — народ, который может осуществлять свою власть в форме представительной и непосредственной демократии[3]. То есть дается понимание народного суверенитета в том виде, в каком его сформулировал Руссо, за исключением одного. Ж. Ж. Руссо весьма скептически относился к практике деятельности английского парламента и в целом к идее представительной демократии, поскольку считал, что единая народная воля должна прийти к своему господству через непосредственную демократию.

Иначе на этот вопрос смотрели последователи Ж.Ж.Руссо, политические вожди Французской революции. В частности, при формировании Народного Собрания в революцию 1789 г. принцип непосредственного участия населения в делах государства был заменен идеей народного представительства. Даже в то время, когда население Франции склонялось к демократическим реформам и республиканскому образу правления, все, по-видимому, были согласны с тем, что следует установить представительную республику[4].

Данное расхождение с первоначальной идеей тем не менее не помешало обозначить в содержании первых французских республиканских конституций мысль о превалировании народной воли в государстве. Но, по мнению либерал - демократа Н.И. Кареева, принцип народного суверенитета, последовательно осуществленный в Конституции Франции 1791 г., привел в политической жизни государства к полной дезорганизации исполнительной, судебной и церковной властей и окончательно разрушил всякую возможность законного управления центральной властью[5].

Интересно проследить, насколько часто используются формы непосредственной демократии, такие как референдум, на общегосударственном уровне в современных демократических странах. Оказывается, что референдум традиционно не используется в англосаксонских странах, где всегда

[1] Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. Т. 1. СПб., 1909. — с. 135.

[2] См.: Чичерин Б.Н. История политических учений. В 5 т. Т. 3. — М., 1874. — С. 293.

[3] См.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации. — М., — 2012, — С. 85.

[4] Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. Введение в философию права. М., 1996. — С. 59.

[5] Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства. — СПб., — 1908. — С. 189.

господствовала идея верховенства парламента, хотя в самой Великобритании в последние десятилетия он однажды был проведен в 1975 г. При этом референдум никогда не проводился в США, Австралии, Канаде и Германии на федеральном уровне. Пожалуй, единственной страной, которая использует институт референдума, довольно часто является Швейцария; там в среднем проводится 5—6 референдумов только на федеральном уровне в год. Это можно объяснить тем, что Швейцария — незначительное по территории государство, и это существенно упрощает как саму процедуру проведения всенародного голосования, так и процедуру выявления истинного мнения большинства граждан по поставленному вопросу, исключая подтасовки или фальсификации.

Эта ситуация с проведением референдумов разными странами, одинаково претендующими на демократию, связана все же с невозможностью реализации тезисов Руссо о непосредственном управлении народом в большом по территории государстве. Поэтому искались альтернативы названному тезису, но в рамках принципа народного суверенитета. Так, идея Руссо о том, что представители народа являются его «слугами» и обязаны выполнять его наказы, в скором времени полностью заменяется тезисом об «автономной воле народных представителей».

Таким образом, уже в это время теория народного суверенитета получила такое выражение, которое равносильно было отрицанию ее существа[1]. В нынешнее время это полностью подтверждается тем фактом, что в мировой практике совершенно непопулярен на государственном уровне такой институт непосредственной демократии, как отзыв избранного на должность кандидата. Это реально нельзя сделать в отношении члена парламента, не говоря уже о президентской должности в дуалистических или смешанных республиках, где предусмотрена только процедура проведения импичмента, которая реально редко доводится до конца. Так что ответственности перед народом, который избирает своего представителя, тот не несет практически никакой. В этом уже заключается подмена принципа народного суверенитета чистой его декларацией, и власть в государстве может принадлежать каким угодно силам, но только не народу.

При этом для обеспечения прав личности в правовом государстве должна существовать идеальная форма правления, обеспечивающая верховенство права, закона, Конституции и народное представительство во власти. На этот счёт высказывались разные мнения. Так, в частности, Б.А. Кистяковский писал, обосновывая свое учение о народном представительстве: «Народ будет не только объектом власти, но и ее субъектом при условии, что руководящая функция в государстве – законодательство – соответствует народному правосознанию»[2]. Ученый не отрицал, что господство верховного закона – Конституции – является необходимым, но не единственным условием деятельности конституционного (правового) государства, однако именно народное представительство способно обеспечить в полной мере статус народа как субъекта государственной власти[3]. По учению Кистяковского, государственная власть в правовом государстве получается обезличенной, чего нет в монархических государствах, где монарх и является ее олицетворением.

Один из известных разработчиков учения о народном представительстве и правовом государстве В.М. Устинов признавал первоосновой правового государства учение о господстве права и предлагал исключить из научного инструментария «учение о государственной власти как воле» и «учения о народной воле»[4]. Однако, считая парламент основным органом конституционного государства, под контролем которого находятся все иные отрасли государственной деятельности, и признавая

[1] Новгородцев П.И. Указ. соч. — С. 81.

[2] Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское) // Социальные науки и право. Философия права. — СПб.—, 1998. — С. 531.

[3] Там же. С. 532.

[4] См.: Устинов В.М. Учение о народном представительстве. Т.1. — М., 1912. — С. 652.

необходимым расширение круга лиц, привлекаемых к контрольным функциям, правовед приходит к выводу о необходимости введения контроля над деятельностью парламента со стороны тех лиц, в интересах которых он действует, то есть граждан. «С течением времени все более распространяются и торжествуют начала всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, то есть именно условия, благоприятствующие более верному отражению страны в парламенте», — писал Устинов[1].

Здесь же уместно обозначить позицию С.А. Котляревского по данному вопросу, который признает народное представительство органом с обязательным участием в осуществлении законодательной деятельности. На том основании, что народное представительство является признаком конституционного (правового) государства, Котляревский говорит о том, что наряду с парламентской республикой возможна и конституционная монархия. Однако, по его мнению, сложность задач государственного управления и расширяющиеся функции правительственной власти требуют и надлежащих форм контроля общества над ним, что приводит к необходимости введения политической ответственности правительства перед парламентом. Вместе с тем он считал, что именно парламентская республика основывается на более перспективном принципе, чем иные формы правления, и позволяет решать указанную выше задачу[2]. Под принципом парламентаризма, который Котляревский закладывает в основу оптимальной формы правления, он понимал требование солидарности правительства с органом или органами, которые признаются авторитетными выразителями народного мнения, что вполне, на его взгляд, находится в соответствии с принципами правового государства.

Как видно из приведенных выше мнений, для сторонников либеральных взглядов единственно приемлемой формой правления в правовом (конституционном) государстве может быть парламентская республика, как крайний случай – конституционная монархия. Любопытно, что среди стран современного мира, претендующих на демократию и законность, существуют совершенно иные модификации форм правления. К примеру, США является дуалистической (президентской) республикой, где президент не несет практически никакой ответственности перед представительным органом США – Конгрессом. Исключением может быть предусмотренная законом процедура импичмента президенту за тяжкие преступления, но реально отрешить от должности главу государства практически невозможно, по крайней мере, дважды такие попытки заканчивались ничем. В данном случае такая форма правления приближается по сути к дуалистической монархии, но формально США не перестают называть правовым, демократическим государством.

То же самое можно сказать о родине одной из первых буржуазных революций и ее идеологов – Франции. Считается, что во Франции существует смешанная форма правления, но ее отличительной чертой является сильная президентская власть. При этом президент является одновременно главой государства и главой правительства, имеющий право свободного роспуска парламента, что роднит современную французскую форму правления с абсолютной монархией.

Так что поиск идеальной формы правления для правового государства – занятие, как оказалось, утопическое, поскольку на практике невозможно управлять государством, исходя из совокупной воли отдельно взятых личностей, как предлагалось вышеназванными авторами. А тем более народное представительство в лице парламента как форма выражения этой народной совокупной воли отделяется от общества, как только то его избирает.

Следует отметить, что в «Общественном договоре» Ж. Ж. Руссо помимо идеи о суверенитете народа заложена еще и связанная с ней идея верховенства права, которая до сих пор выделяется как важный признак правового государства. Собственно, все последующее развитие учения о правовом государстве представляет собой лишь ту или иную модификацию сочетания указанных основополагающих идей. Принцип верховенства права обусловливается учредительной

[1] Там же — С. 650—681.

[2] См.: Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. —М., 1915. — С. 308.

(правоустанавливающей) властью народа, то есть свойством, вытекающим из принципа народного суверенитета. Это обусловливается тем, что если народ – это единственный источник законной власти, то только издаваемые им веления являются подлинно правовыми, что составляет суть принципа верховенства права. В этом смысле основополагающим правовым актом в государстве должна быть всенародно принятая Конституция, обладающая высшей юридической силой благодаря учредительной народной власти.

В основании учения об учредительной народной власти лежат такие научные предпосылки, как, во-первых, существование у людей постоянной власти устанавливать и пересматривать Конституцию, а во-вторых, то, что данная власть является высшей в государстве[1]. Установление Конституции означало как бы учреждение нового общества, нового государства которое, таким образом приобретало характер единства. Весьма существенно в данном вопросе и то, что конституционный договор становится договором не между властью, с одной стороны, и другими общественными силами — с другой, но договором между людьми, государственную власть устанавливающими. Это обстоятельство составило основание для возникновения представления о том, что народу принадлежит власть учреждать Конституцию, то есть учредительная власть[2]. Наличие у народа данного вида власти и обеспечивает верховенство права, в первую очередь — Основного закона. То есть то, что утверждает народ, которому принадлежит власть, имеет абсолютное значение и силу.

Данного рода тезисы возникли в связи с необходимостью полного исключения религии из сферы государственной жизни, что и началось с отказа от теологического обоснования божественного происхождения верховной власти в государстве. Характерно, что первая часть одного из известнейших произведений Дж. Локка «Два трактата о правлении» представляет собой свод доказательств, направленных на опровержение тезиса о божественном характере власти государя. В связи с тем, что государство, исходя из научных теорий эпохи буржуазных революций, должно носить светский характер, становится необходимым признание воли человека единственной движущей силой. Поэтому обосновывается необходимость широкого привлечения народа к осуществлению государственной власти и, наконец, признание закона, права единственным способом регулирования социальных отношений. Для либеральных учений роль социального регулятора, как альтернатива религии и нравственности, осуществляет право.

Рассмотрев основные признаки правового государства и отметив ряд спорных моментов, нелишне будет обратиться еще к одному его элементу, а именно к учению о гражданском обществе. Зарождение идей о гражданском обществе происходит в эпоху, когда в научной литературе и общественном сознании наметилась тенденция различения интересов государства и отдельного лица. В XIX веке эта тенденция оформилась благодаря трудам Р. фон Моля, Л. Штейна, Б.Н. Чичерина в так называемое учение о гражданском обществе, ставившее перед собой задачу обеспечить незыблемые права и свободы граждан посредством определения границ деятельности государства и поиска форм, позволяющих гармонично соединить как свободу лица, так и интересы государства. Любопытно, что учение неолиберализма вынуждено если не отрицать наличие такого признака правового государства, как гражданское общество, то, во всяком случае, обязательным его не считать, хотя одной из их идей является право на достойное человеческое существование. Здесь опять видно расхождение между идеологами названной концепции и их последователями.

Традиционно под гражданским обществом принято понимать ту сферу общественных отношений, в которую государство имеет право вмешиваться административными методами. Это довольно широкий спектр жизнедеятельности общества, таких как труд, предпринимательство, деятельность

[1] См. Понтович Э.Э. Развитие конституций и учредительная власть. — СПб., 1918. — С. 37.

[2] См. там же. — С. 38.

общественных объединений, средства массовой информации, сфера воспитания, науки, культуры и.т.д. Классическое понимание гражданского общества заключается главным образом в том, что это сфера отношений, в которой деятельность государства либо ограничена, либо не проявляется вовсе. Основоположниками учения о гражданском обществе в его основу был заложен главный критерий о неотъемлемости естественных прав граждан, в особенности свобода совести и право частной собственности. Если говорить о свободе совести, то здесь господствует то начало субъективной нравственности, ограничения которой со стороны государства не допускается. Право же частной собственности и в целом экономические отношения регулируются юридическими нормами, которые издает государство, но не более того[1].

В свою очередь, идея гражданского общества выполняет двоякую функцию: во-первых, обеспечивает независимую от государства сферу личных интересов и, во-вторых, служит самостоятельным способом обеспечения принципа индивидуализма, поскольку дифференциация государственной власти не позволяет обратить ее во вред не только конкретным людям, но и территориям и народностям.

В идеале возникает следующая конструкция правового государства: обеспечение политической свободы создается за счет участия граждан в деятельности законодательного органа, а дифференциация функций управления позволяет устранить опасности излишней централизации верховной власти, в связи с чем область личных отношений остается недосягаемой для деятельности государства, поскольку складывающаяся практика административно-правовых отношений[2]. Они будет находиться под жестким законодательным контролем самих граждан. Таким образом, институт политической свободы получает доминирующую роль, а права и свободы граждан — полное обеспечение.

Но эта идеально выстроенная модель правового государства в скором времени подрывается вновь возникающими идеями социалистической направленности. В связи с новой концепцией политическая свобода заменяется так называемой экономической свободой, а первая признается лишь промежуточной стадией научного и общественного развития. Политическая свобода не обеспечила человеку действительной свободы. Он почувствовал себя в тисках, на этот раз сплетенных экономической зависимостью. Пользуясь всеми гражданскими правами, участвуя в осуществлении государственной власти, человек не ощутил той свободы, к которой стремился веками, поэтому наступает реакция против веры в политическую свободу. Открывается новый период общественных стремлений – борьба за экономическую свободу[3]. То есть возникает ситуация, когда борьба за экономическую свободу требует принести в жертву те первоосновы либерального направления, которые до определенного времени считались незыблемыми постулатами правового государства.

Таким образом, теоретическое обоснование «классических» признаков правового государства весьма противоречиво, поэтому не реализуется в полной мере на практике. При этом следует признать, что доктрина правового государства имеет весьма сложный и многовариантный идейный и концептуальный состав в зависимости ещё и от правопонимания и понимания государства, поэтому может существовать ряд целый концепций правового государства. Учитывая очевидную взаимосвязь трактовок правового государства с правопониманием, можно констатировать, что основные линии исторической эволюции правопонимания закладывали основы соответствующего понимания правового государства.

---

[1] См.: Чичерин Б.Н. Собственность и государство. В 2 т. Т. 2. —М., 1883. — С. 191.

[2] Батеева Е.В., Питерская А.Л., Дмитриева Ю.В. Проблемы реализации концепции правового государства // Юридический форум: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 1. — М., 2014. —С. 89—94.

[3] Шершеневич Г.Ф. История философии права. —СПб., 1907. — С. 24—25.

Идеи правового государства, как видно, имеют глубокую, многовековую историю формирования. Собственно говоря, эта концепция – своеобразный синтез веками развивающихся параллельно и пересекающихся, сливающихся в одно целое идей о правовой основе деятельности государства. Ключевой вопрос в подходе к правовому государству в связи с правопониманием в истории мысли - дилемма понятий «государственность права» или «правовое государство».

В случае признания права полностью производным от государства (государственности права) государство рассматривается как творец права в виде законодательства (нормативных юридических актов) или санкционированного им права. Безоговорочное признание всех законов правом, независимо от их содержания или признание этого с некоторыми незначительными оговорками, позволяющими требовать более совершенных законов — составляют предельную амплитуду колебания легистского или этатистского (государственного) правопонимания, определяющего соответствующий подход к пониманию правового государства как государства законности.

В случае признания права производным, и даже не столько от государства, сколько от внегосударственных факторов (Бога, общества и т.д.), государство должно ему следовать, иначе принятые законы будут неправовыми, то есть противоречащими исходному представлению о праве. Поэтому государство, с одной стороны, как бы творит одну из решающих форм права определенного исторического периода – законодательство, а с другой стороны, познает, включает в законодательство то, что определяется и порождается не им самим и зависит во многом не от него (в частности, религиозные нормы). То есть государство фактически закрепляет систему ценностей, сложившихся в обществе.

Государство выступает в данном случае мощным преобразующим и генерирующим фактором поддержки и защиты определенных внегосударственных явлений, норм, природа которых как бы проникает сквозь государство из более глубинных, где-то космических факторов жизни.

Данное правопонимание может быть дифференцировано на несколько основных разновидностей, так или иначе оттеняющих понимание правового государства (естественно-правовое, социологическое, религиозное и др.). Правовое государство в этом случае – государство, связанное правом, как явлением, обусловленным системой космических, природных, социальных и иных факторов (впрочем, как и само государство). При этом под правом может пониматься все мировоззренческое многообразие современного мира, а не только единственно доктрина естественных прав человека. Элементами этого многообразия могут выступать как социалистическая доктрина, лежащая в основе правовых систем таких современных социалистических государств, как Китай, Северная Корея, Куба и др., так и исламская доктрина как разновидность религиозной, являющаяся правовой основой Ирана, Сирии, Омана, Катара, Саудовской Аравии и др.

В данном случае значительный познавательный потенциал содержит синтетический (интегративный) подход[1] в правопонимании, основанный прежде всего на второй точке зрения, не сводящей право к государству, но признающей, что для определенной части правовых явлений (особенно для законотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности государства) важное значение может иметь и государственное (этатистское) объяснение права и правового государства.

В этом случае правовое государство – это государство, деятельность которого предопределяется, ограничивается как внегосударственными (сверхгосударственными) правоопределяющими факторами (божественными, социальными и т.д.), так и самим государством, имеющим возможность выявлять и создавать право и в значительной мере интегрировать в процессе законотворчества и правоприменения все иные факторы формирования и выявления права.

[1] См.: Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. — Алма-Ата, 2013.

Очевидно, что создание правового государства – это прежде всего формирование зрелой правовой культуры, правового и нравственного воспитания общества, основой которого должна быть традиция, веками формирующая это общество (например, в Иране это исламская традиция, в Греции – православная и т.д.). Нельзя не согласиться с Г.В. Мальцевым о том, что «в обществе, развращенном и безнравственном, невозможно достичь высокого уровня правового развития, а о создании правового государства нечего даже и говорить».[1]. Кстати, события современной истории (попытка легализации однополых браков в странах западной демократии, неприятие и осуждение там традиционных ценностей) свидетельствует о нравственном кризисе, возникшем на современном этапе в рамках доктрины либерализма и естественных прав человека. Сложившаяся ситуация не позволяет отдавать ей предпочтение перед другими существующими в мире доктринами, лежащими в основе функционирования целого ряда государств.

Иными словами, доктрина правового государства – это многозначное по смыслу явление. Это доказывает, в частности, тот исторический факт, что кроме либеральных концепций правового государства в XX в. имели место фашистская концепция «национал-социалистского правового государства» 1930-х гг служившая романтическим прикрытием преступного режима, и незавершенная социалистическая теория правового государства[2]. Доктрина правового государства в истории мысли последних двух веков является одним из основных, но не единственным вариантом моделирования в общественном сознании совершенной и справедливой организации власти.

Основной альтернативой доктрине светского правового государства является концепция теократического властвования, что на практике реализуется в ряде исламских государств. При этом если в указанных странах реализация права осуществляется в рамках установленной доктрины, то нет основания считать их неправовыми. Таким образом, понятие «правовое государство» предпочтительней использовать в чисто юридическом смысле, без привязки к какой-либо идеологии.

Смысл доктрины правового государства прежде всего зависит от понимания права, государства и их взаимосвязи, а также от состава, сочетания и смысловых характеристик идей и концепций, в совокупности составляющих данную доктрину, и их корреляции с фундаментальными мировоззренческими идеями о государстве и праве во всём их многообразии и ценностями политико-правовой теории в целом.

Библиография/ References:

1. Аннерс Э. История европейского права. – М., 2011.
2. Батеева Е.В., Питерская А.Л., Дмитриева Ю.В. Проблемы реализации концепции правового государства // Юридический форум: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 1. – М., 2014. – С. 89 – 94.
3. Батеева Е.В., Питерская А.Л. Правопонимание и правовое государство // Юридический форум: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 1. – М.: МГИУ, 2014. – С. 75.
4. Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. Т. 1. – СПб., 1909.
5. Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства. – СПб., 1908.
6. Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское) // Социальные науки и право. Философия права. – СПб., 1998.
7. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации. – М., Юрист, 2012.
8. Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. – М., 1915.
9. Мальцев Г.В. Право. Свобода. Демократия // Вопросы философии. – 1990. – № 6.

[1] Мальцев Г.В. Право. Свобода. Демократия // Вопросы философии. —1990. № 6. — С. 18.

[2] Теория социалистического правового государства как государства, прежде всего, соблюдения социалистического законодательства, с одной стороны, также служила апологии политического режима, а с другой стороны, в период "перестройки" была ориентирована на радикальное реформирование политико-правовой системы СССР.

10.Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. – Алма-Ата, 2013.
11.Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. – СПб., 2012.
12.Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. Введение в философию права. – М., 1996.
13.Понтович Э.Э. Развитие конституций и учредительная власть. – СПб., 1918.
14.Устинов В.М. Учение о народном представительстве. Т.1. – М., 1912.
15.Чичерин Б.Н. История политических учений. В 5 т. Т. 3. – М., 1874.
16.Чичерин Б.Н. Собственность и государство. В 2 т. Т. 2. – М., 1883.
17.Шершеневич Г.Ф. История философии права. – СПб., 1907.

1. Anners, E. (2011) Istoriia evropeiskogo prava [The history of European law]. – M. (In Russ.)
2. Bateeva, E.V., Piterskaia, A.L., Dmitrieva, Iu.V. (2014) Problemy realizatsii kontseptsii pravovogo gosudarstva [Problems of realization of the concept of the rule of law] // Iuridicheskii forum: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 1. – M. – P. 89 – 94. (In Russ.)
3. Bateeva, E.V., Piterskaia, A.L. (2014) Pravoponimanie i pravovoe gosudarstvo [Understanding of law and legal state] // Iuridicheskii forum: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 1. – M.: MGIU. – P. 75. (In Russ.)
4. Gessen, V.M. (1909)Teoriia pravovogo gosudarstva [The theory of the rule of law] // Politicheskii stroi sovremennykh gosudarstv. T. 1. – SPb. (In Russ.)
5. Kareev, N.I. (1908) Proiskhozhdenie sovremennogo narodno-pravovogo gosudarstva [The origin of modern people's law]. – SPb. (In Russ.)
6. Kistiakovskii, B.A. (1998) Gosudarstvennoe pravo (obshchee i russkoe) [State law (general and Russian)] // Sotsial'nye nauki i pravo. Filosofiia prava. – SPb. (In Russ.)
7. Kozlova,E.I., Kutafin, O.E. (2012) Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii [Constitutional law of the Russian Federation]. – M., Iurist. (In Russ.)
8. Kotliarevskii, S.A. (1915) Vlast' i pravo. Problemy pravovogo gosudarstva [Power and law. Problems of law]. – M. (In Russ.)
9. Mal'tsev, G.V. (1990) Pravo. Svoboda. Demokratiia [Right. Freedom. Democracy] // Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]. – 1990. – № 6. (In Russ.)
10. Matiukhin, A.A. (2013) Gosudarstvo v sfere prava: institutsional'nyi podkhod [State in the field of law: an institutional approach]. – Alma-Ata. (In Russ.)
11. Novgorodtsev, P.I. (2012) Istoricheskaia shkola iuristov [The historical school of lawyers]. – SPb. (In Russ.)
12. Novgorodtsev, P.I. (1996) Krizis sovremennogo pravosoznaniia. Vvedenie v filosofiiu prava [The crisis of the modern sense of justice. Introduction to the philosophy of law]. – M. (In Russ.)
13. Pontovich, E.E. (1918) Razvitie konstitutsii i uchreditel'naia vlast' [The development of constitutions and constituent power]. – SPb. (In Russ.)
14. Ustinov, V.M. (1912) Uchenie o narodnom predstavitel'stve [The doctrine of the Representation of the People]. T.1. – M. (In Russ.)
15. Chicherin, B.N. (1874) Istoriia politicheskikh uchenii [The history of political doctrines]. V 5 t. T. 3. – M. (In Russ.)
16. Chicherin, B.N. (1883) Sobstvennost' i gosudarstvo [Property and the State]. V 2 t. T. 2. – M. (In Russ.)
17. Shershenevich, G.F. (1907) Istoriia filosofii prava [The history of philosophy of law]. – SPb. (In Russ.)